

А.А. Рублева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

**Потомки старообрядцев деревни Макурино:
практика сохранения идентичности
(по материалам полевых исследований 2022 года)**

В статье поднимается вопрос о причинах сохранения этнокультурной идентичности потомками старообрядцев д. Макурино Юргинского р-на Кемеровской обл., с которыми были проведены ряд глубоких интервью в ходе этнографической экспедиции 2022 г. по населенным пунктам Юргинского р-на Кемеровской обл. Основным источником выступили интервью с представителями двух старообрядческих семей 1930–1970-х годов рождения. Потомки старообрядцев, рожденные в 1930–1970-е гг., не сохранив главных религиозных маркеров старообрядчества, до сих пор демонстрируют устойчивую этнокультурную идентичность, называя себя кержаками, на уровне бытовой и духовной культуры транслируют некоторые элементы старообрядческой культуры (двоеперстие, ситуативное чашиничество и др.) и сохраняют память об истории своих семей, своей деревни и о предках-старообрядцах. Причиной трансляции и сохранения фрагментов бытовой и духовной культуры староверов их потомками стала культурная среда, в которой выросли информанты. Не имея возможности в полной мере приобщиться к старообрядческим канонам в советское время, в силу запрета религиозного воспитания со стороны советской власти, потомки старообрядцев-кержаков, будучи детьми, наблюдали за поведением своих старших родственников и частично перенимали транслируемые культурные нормы. Важным фактором сохранения этнокультурной идентичности потомками староверов д. Макурино стал образ предков-кержаков, который являлся для информантов морально-нравственным ориентиром, соответствие которому через культурные нормы в среде информантов до сих пор является позитивной практикой. Именно поэтому «быть кержаком» и сохранять элементы старообрядческой культуры для информантов является «почетным».

Ключевые слова: Притомье, вторая половина XX в., старообрядцы, кержаки, этнокультурная идентичность.

A.A. Rubleva

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

**Descendants of the Old Believers from the Village of Makurino:
Practice of Preserving Identity
(Evidence of 2022 Field Research)**

This article discusses the reasons for preservation of ethnic and cultural identity among the descendants of Old Believers from the village of Makurino in Yurga District of Kemerovo Region. A number of in-depth interviews with these people were conducted during the 2022 ethnographic expedition to the settlements of Yurga District of Kemerovo Region. The main source was interviews with representatives of two Old Believer families, born in the 1930s–1970s. Although the descendants of Old Believers, born in the 1930s–1970s, have not preserved main religious markers of their denomination, they still demonstrated a stable ethnic and cultural identity by calling themselves “the Kerzhaks.” At the level of everyday and spiritual culture, they manifest some elements of Old Believers’ culture (making the sign of the cross using two fingers, ban on sharing dishware with those who are not Old Believers or the so-called “chashnichestvo,” etc.) and preserve the memory of the history of their families, their village, and their Old Believer ancestors. The reason for broadcasting and preserving some fragments of everyday and spiritual culture of the Old Believers by their descendants was cultural

environment in which the informants grew up. Unable to fully follow the Old Believer canons in the Soviet times due to the prohibition of religious education by the Soviet government, the descendants of the Kerzhak Old Believers in their childhood observed the behavior of their older relatives and partially adopted the transmitted cultural norms. An important factor in preserving ethnic and cultural identity by the descendants of Old Believers from the village of Makurino was the image of the Kerzhak ancestors, which was a moral guideline for the informants. Complying with that image through shared cultural norms is still a positive practice among the informants. This is why “being a Kerzhak” and preserving elements of the Old Believer culture is “honorable” for the informants.

Keywords: Tom region, second half of the 20th century, Old Believers, Kerzhaks, ethnic and cultural identity.

В ходе полевой этнографической экспедиции 2022 г. автору статьи удалось работать с потомками кержаков-старообрядцев д. Макурино Юргинского р-на Кемеровской обл. Кержаки – группа старообрядцев, получивших свое название по реке Керженец и в процессе переселений оказавшихся на территории Западной Сибири [Фурсова, 2006, с. 433]. Изначально, начиная с XVII в. старообрядцы являлись конфессиональной группой, чье отличие от других проявляло себя в первую очередь в религиозных расхождениях с русской православной церковью. В дальнейшем, с расселением по просторам России и близлежащих территорий, у кержаков и других групп старообрядцев сформировались культурные различия, которые проявились себя в замкнутости, чистоте быта, особом костюме и чашничестве [Липинская, 1992, с. 217]. Современные потомки кержаков-старообрядцев д. Макурино не сохранили в полной мере особенности старообрядческой культуры, перечисленные выше. Живут потомки старообрядцев в открытой местности, носят современную одежду, и лишь единицы из них соблюдают религиозные запреты, крестятся двоеперстно и посещают старообрядческие приходы в ближайшем городе. Несмотря на потерю основных культурных маркеров, потомки старообрядцев продолжают считать себя кержаками. В этой связи цель данного исследования – выявить причину сохранения старообрядческой идентичности среди потомков старообрядцев-кержаков д. Макурино Юргинского р-на Кемеровской обл. Основным источником исследования выступили полевые материалы автора, собранные в ходе этнографической экспедиции 2022 г. по селам и деревням Юргинского р-на Кемеровской обл. В основу методологии лег этнический (этнокультурный) подход к пониманию идентичности, где самоназвание и самоосознание группы являются устойчивыми признаками ее существования как этнической (этнокультурной) общности [Кобаков, 1995, с. 18]. На стадии полевых сборов использовался метод интервьюирования (глубинного интервью) и аудиофиксация материалов. Также автором исследования применялся дескриптивный и сравнительно-исторический методы исследования.

Во время полевого исследования были проведены глубинные интервью с потомками двух старообрядческих семей – Потеряевых (Георгий Архипович 1954 г.р., Зинаида Архиповна 1939 г.р., Анна Архиповна 1951 г.р.) и семьей Ирины Кирилловны Андреевой (Поповой) 1973 г.р. Для того, чтобы понять причину сохранения этнокультурной идентичности потомками староверов-кержаков д. Макурино, обратимся к культурным условиям, в которых были воспитаны информанты и была сформирована их идентичность.

Все информанты в ходе интервью отмечали, что деревня у них была кержацкая. Точной даты основания д. Макурино жители деревни назвать не смогли, но, согласно статистическим данным, время основания д. Макурино варьируется между 1860–1870-х гг. Кроме того, в «Списках населенных мест Томской губернии за 1899 г.» упоминается д. Макурина и д. Ново-Макурина Ояшкинской волости Томского уезда Томской губернии, где рядом с наименованием д. Ново-Макурина в скобках указано, что в деревне проживают кержаки [Список..., 1868; Список..., 1899, с. 54–55; Список..., 1929, с. 20]. О существовании отдельной новой деревни в своих рассказах упоминали информанты, отмечая, что старообрядцы жили изначально там. Название деревни получила по имени ее основателя Макурина, чьи потомки живут в деревне до сих пор. Первые старообрядцы, согласно полевым данным, приехали в Сибирь из Пензенской губернии, а их потомки до сих пор сохраняют память о своей исторической родине. В ходе интервью информанты, называя себя кержаками, связывали свое происхождение с рекой «*Кержень*» (имеется в виду р. Керженец): «*Мама говорит, что в Пензенской области протекает река Кержень. И по той местности [кержаки] назывались*». По рассказам местных жителей, у макуринских старообрядцев была своя старообрядческая церковь, где совершались службы старообрядческим священником. С началом коллективизации и последующим за ней раскулачиванием, часть старообрядцев покинули д. Макурино и церковь была разрушена. По рассказам местных жителей, со второй половины XX в. в д. Макурино стали приезжать переселенцы из европейской части России – татары, по-

волжские немцы, российские переселенцы и др. В результате чего в д. Макурино даже появилась улица «Интернациональная». Впоследствии переселенцев старообрядцы стали называть «мирскими». Такое разделение жителей деревни на старообрядцев и «мирских» нашло отражение и в традициях погребения – в деревне появилось два кладбища – мирское и старообрядческое. Кроме того, в ходе беседы потомки старообрядцев с гордостью сообщали, что незнающий человек старообрядческое кладбище просто так не найдет.

Большое внимание в ходе беседы информанты уделяли историям своих семей, члены которых были «коренными» кержаками. Рассказывая о своей семье, Ирина Константиновна Андреева начала с истории прапрадеда, старообрядческого священника, отца Иоанна Телепова, приехавшего в д. Макурино в статусе вдовца. Отец Иоанн повторно женился на макуринской старообрядке, и в результате брака родилась прабабушка информанта – Авдотья Иоанновна Затеева (Телепова). Именно она в рассказах Ирины Константиновны выступает в роли духовного лидера для жителей своей деревни и членов ее семьи. Причиной этого стало то, что отца Иоанна в 1930-е гг. репрессировали, и Авдотья Иоанновна стала хранительницей икон и богослужебных книг из разрушенного старообрядческого храма. В дом к Авдотье Иоанновне приходили молиться остальные кержаки. Детей и внуков кержачка учила церковнославянскому языку. Кроме того, причиной авторитета прабабушки в глазах односельчан, по мнению Ирины Кирилловны, стало происхождение ее из священнической семьи. Позднее, после смерти Авдотьи Иоанновны, ее книги и иконы стали передаваться из поколения в поколение по женской линии. Следующее поколение старообрядцев семьи Ирины Кирилловны представлено ее бабушкой Поповой (Затеевой) Настасьей Севастьяновной и дедушкой Поповым Григорием Поликарповичем. Если Настасья Севастьяновна была макуринской кержачкой, то Григорий Поликарпович был «неместным» кержаком. По своему происхождению он был из пермских кержаков, переехавшим в Западную Сибирь (г. Болотное), где и познакомился с Настасьей Севастьяновной. Про это поколение Ирина Кирилловна рассказала лишь то, что дед воевал в Первую Мировую войну, попал в плен в Австрию, где получил знания в области медицины, что позволило ему после возвращения из плена работать фельдшером. Если в каждом предыдущем поколении семьи Ирины Кирилловны все были кержаками, то поколение родителей информантки стало исключением. Мама Ирины Кирилловны была родом из п. Итат Тяжинского р-на Кемеров-

ской обл., где получила профессию учительницы и приехала по распределению в Макурино. В Макурино мама Ирины Кирилловны познакомилась с будущим мужем. Имея богатую старообрядческую родословную, отец Ирины Кирилловны, Кирилл Григорьевич Попов 1931 г.р., во взрослом возрасте не придерживался старообрядческих канонів. Кирилл Григорьевич рассказывал своей дочери, что из него веру «выбила» его бабушка, Авдотья Иоанновна, которая заставляла маленького Кирилла вечерами читать псалтыри «старым кержачкам». В силу юного возраста, Кириллу хотелось играть на улице с детьми, поэтому, читая псалтыри, он их специально сокращал, за что получал подзатыльники от строгой бабушки. Сама Ирина Кирилловна отмечала, что не была воспитана в старообрядческой вере, и даже крестилась она в православной церкви в возрасте тридцати лет. Но постепенно, в ходе интервью информантка рассказывала, что, будучи ребенком, имела свободный доступ к богослужебным книгам в доме и умела их читать. Вспоминала, что ее бабушка носила лестовку – кожаный ремешок с цветными «палочками», где каждая «палочка» обозначала определенную молитву. Также Ирина Кирилловна показала нательный старообрядческий крест, который, как известно, у старообрядцев разделяется на мужской и женский. В своей речи информантка нестарообрядцев называла «мирскими». Рассказала, что во время похорон старообрядцев покойному на глаза клали монеты, а сопровождая гроб на кладбище, родственники могли бросать на дорогу цветные нити, чтобы душа покойного нашла дорогу домой. Повзрослев, Ирина Константиновна вышла замуж за потомка старообрядцев д. Козловка Болотнинского р-на Новосибирской обл.

Второй семьей, с которой удалось поработать в ходе полевого исследования, стала семья Потеряевых – Георгия Архиповича 1954 г.р., Зинаиды Архиповны (Никифоровой) 1939 г.р., Анны Архиповны (Балахиной) 1951 г.р. В своей родословной по материнской линии Потеряевы имеют основателя деревни Макурина. Родители информантов 1911 г.р. принадлежали к кержацким родам, но мама была из «местных» кержаков, а отец родился и вырос в соседней д. Черной. В 1930-е гг. деда по линии матери репрессировали, но позднее он вернулся в Макурино и тайно учил своих старших внуков читать старообрядческие книги, которые сам переписывал. Деда же по линии отца расстреляли по доносу как врага народа. Поколение дедушек и бабушек семьи Потеряевых предстает в их рассказах как поколение, строго следовавшее канонам старообрядчества в бытовой и духовной жизни. Среди кержаков старого поколения сохра-

нялось чашничество: *«Ну вот среди кержаков есть еще дурнее кержаки. У них хрен стакан воды выпросишь»*. Если «мирской» пользовался посудой старовера, то кержак должен был эту посуду выкинуть или окропить святой водой. Отмечали информанты бытовую чистоту в доме кержаков. Предметы быта делились у кержаков на «чистые» и «поганые». Однажды жена Григория Архиповича, дочь российских переселенцев из соседней деревни, помыла окна из «чистого» таза: *«Мы поженились с ним, и я помыла окна с чистого тазика. А оказалось, что у них окна поганые. Окна надо было с поганого ведра мыть. И она [свекровь-кержачка] ходила на речку, тазик этот мыла-мыла, потом святой водичкой его, чтобы тазик не выбросить»*. «Поганым» местом считалась баня, после посещения которой обязательно нужно было вымыть руки в доме. Также возбранялось пить воду в бане и мыться в ней после полуночи. Яркой чертой старшего поколения кержаков, запомнившейся информантам, была дисциплина в духовной и трудовой жизни. У кержаков был строгий распорядок дня. Так, летом в поле уходили работать рано, но по воскресеньям не работали. Строго кержаки относились к исполнению молитв. Но старшее поколение в советское время не заставляло молодежь соблюдать каноны. Дети лишь наблюдали за тем, как взрослые следовали религиозным предписаниям. Так, на Пасху, будучи детьми, информанты залазили на печку и смотрели, как бабушки-кержачки читали псалтыри. В XX в. среди старых макуринских кержаков сохранялось негативное отношение к бракам между «мирскими» и староверами. Если же брак между «мирским» и старообрядцем заключался, то один из супругов должен был принять веру другого. Зинаида Архиповна отмечала, что в их поколении, в 1950–1970-е гг. такие запреты уже не действовали, но жена Георгия Архиповича, которая не была старообрядкой по происхождению, рассказала, что ее свекровь-кержачка была против их брака. Семьи у старших поколений кержаков были большие, от восьми до двенадцати детей, и имена детям давали по святым – Лука, Калина, Феофан, Акулина, Евлампия, Олимпиада. Сохраняли в XX в. «закоренелые» кержаки традиционный стиль в одежде. Бабушки-кержачки носили сарафаны-горбачи из коричневой или серой дмотканой ткани, рубахи с длинными рукавами, фартуки. Обязательным элементом традиционной одежды был тканый пояс, на котором иногда могли ткать буквы: *«Пояс обязательно носили, он был какой-то как оберег»*. Замужние женщины носили шашмуру, под которую прятали две косы. Мужчины носили косоворотки и не брили бороды: *«Мамины родители так*

ходили, все бабушки так ходили. А потом какие горбачи-то? Тут уже советская власть».

Согласно рассказам Зинаиды Архиповны, поколение родителей семьи Потеряевых также, как и более старшее поколение кержаков, сохраняли приверженность старой вере. Но как отмечал Георгий Архипович, мама их была более религиозной, нежели отец: *«Мать молилась, а отец больше матерился, чем молился <...> Ночью проснешься, смотришь, [мама] наяривает это [крестится]»*. Причиной меньшей религиозности отца, как считает Георгий Архипович, стала его руководящая должность при МТС, которая не позволяла ему быть религиозным: *«Он [отец] начальник был, ему не до этого было»*. В сравнении со старшим поколением кержаков, информанты считают себя «безбожниками», ссылаясь на отсутствие религиозного воспитания: *«Мы то уже безбожники были. И мы то ничего уже не знали. Вот только слышали, что от них [старших]»*. Причиной «нестарообрядческого» воспитания, по мнению информантов, был запрет на религию в советское время, контроль за которым осуществлялся на уровне школы: *«В школе бы попало»*. Но не соблюдая канонов и запретов культуры своих бабушек и дедушек, Потеряевы детьми наблюдали эту культуру изнутри и усваивали некоторые ее черты. Так, Зинаида Архиповна до сих пор крестится двумя перстами: *«Я как так научилась крест держать с пеленок, так я его и держу»*.

Как можно видеть, потомки кержаков, рожденные в советскую эпоху, уже не перенимали религиозного поведения своих родственников старшего поколения в полной мере. Но на вопрос о том, считают ли они себя кержаками, отвечали утвердительно: *«Я не говорю, что я привержена такой вот веры. Но я все время говорю, что я кержачка...»*. *«Я считаю себя [кержачкой], хотя хожу в православную церковь»*. Поэтому для потомков староверов кержачкая идентичность проявлялась не в религиозных отличиях с православием, а заключалась в наборе определенных морально-волевых качеств, среди которых информанты называли трудолюбие, честность, «упертость» (в смысле стойкость?), чистоплотность, запасливость, дисциплинированность: *«Вы знаете, вот такая вот должна быть порядочность, сказал – должен сделать, не кривить душой <...> ты должен быть честным. Вот как мама говорила – не укради <...> Это душевное мое состояние [быть кержачком]»*. *«Кержаки трудолюбивые. Вот щас они из-за границы едут, они все трудолюбивые»*. Такие качества настоящего кержака информанты связывали с непростой судьбой сторонников старообрядчества: *«Их всю жизнь гнобили-гнобили, они*

прятались. Всегда скрытничали, всегда втихаря старались [жить]. Жить старались обособленно, в плане, что чужих-пришлых людей не любили. Потому что боялись подвоха, предательства, воровства». Именно такой образ жизни, по мнению информантов, сформировал особый характер старообрядцев. Причем в мироощущении потомков старообрядцев этот характер наследовался следующими поколениями староверов: «Им [старообрядцам] трудно жилось, они рассчитывали на себя. Я свою семью смотрю, теток. Есть стержень какой-то».

Очевидно, что в рассказах информантов вырисовывается идеальный образ предков-кержаков. Кержаки в их рассказах – народ, претерпевший лишения и гонения за веру. Кроме того, эти гонения продолжились в советское время. Но эти лишения и суровый край, по мнению информантов, закалили кержаков, сделав их народом честным, трудолюбивым, чистоплотным, чтившим религиозные законы. Сравнивая своих предков-кержаков с представителями других этнокультурных групп, информанты отмечали различия в бытовой жизни, указывали в ходе беседы на сохранение этих отличающих черт в своем быте, тем самым подчеркивая преемственность культуры от предков-кержаков: «Вот как говорят, кержаки вредные-противные, кружку не дадут. Не дадут! У нас до сих пор. У меня у мужа своя кружка <...> Это на уровне генов, понимаешь?» Понимая, что некоторые стереотипные черты «коренных» старообрядцев для представителей других этнокультурных групп носят негативный окрас, соответствие этим стереотипам является для информантов позитивной практикой: «Постройки у кержаков были основательные и крепкие. Как у меня примерно. Я ж тоже, как вы говорите, кержак». «Я считаю себя [кержачкой] <...> Я вот тоже не буду из общей бутылки пить». «Кержаки бороды не брили. У меня муж тоже не любит бороду брить лишней раз». «У меня корова, я смеюсь, всегда отдельно ходит. Я ей говорю, кержацкая морда, единоличница». Также важным фактором преемственности стало непосредственное родство со старообрядцами и проживание в старообрядческой среде: «Я знала, что я живу в кержацкой деревне. Я гордилась этим».

Заключение

Анализ полевого материала, собранного в ходе этнографической экспедиции в д. Макурино Юргинского р-на Кемеровской обл. показал, что потомки старообрядцев, рожденные в 1930–1970-е гг., не сохранив главных религиозных мар-

керов старообрядчества, до сих пор сохраняют этнокультурную идентичность, называя себя кержаками, на уровне бытовой и духовной культуры транслируют некоторые элементы старообрядческой культуры (двоеперстие, ситуативное чашничество и др.) и сохраняют память об истории своих семей, своей деревни и предках-старообрядцах. Причиной трансляции и сохранения элементов бытовой и духовной культуры староверов их потомками стала среда, в которой выросли информанты. Не имея возможности в полной мере приобщиться к старообрядческим канонам в советское время, информанты, будучи детьми, наблюдали за поведением своих старших родственников и частично перенимали эти нормы – крестились двоеперстно, не пили воду в бане, сохраняли «кержацкую» планировку двора и дома. Важным фактором сохранения этнокультурной идентичности потомками староверов д. Макурино стал образ предков-кержаков, который являлся для информантов морально-нравственным ориентиром и проявлялся в таких качествах, как честность, трудолюбие, чистоплотность, стойкость в убеждениях и др. Соответствие данному идеалу через культурные нормы в среде информантов до сих пор является позитивной практикой. Именно поэтому «быть кержаком» и сохранять элементы старообрядческой культуры и для современных информантов является «почетным».

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Список литературы

- Колпаков Е.М.** Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 5. – С. 13–23.
- Липинская В.А.** Об устойчивости малых конфессиональных групп в однонациональной среде (по материалам юга Западной Сибири) // Традиционная и духовная материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 213–217.
- Список населенных мест Российской империи.** Вып. 60: Томская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб., 1868. – 148 с.
- Список населенных мест Томской губернии на 1899 год.** – Томск: Печатня С. П. Яковлева, 1899. – 781 с.
- Список населенных мест Сибирского края** // Сибирский Краевой Исполнительный Комитет, Краевой финансовый отдел. – Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири, 1929. – 952 с.

Фурсова Е.Ф. Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. – М.: Наука, 2006. – С. 427–441.

References

Kolpakov E.M. Etnos i etnichnost'. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995. N 5. P. 13–23. (In Russ.).

Lipinskaya V.A. Ob ustojchivosti mal'nykh konfessional'nykh grupp v odnonacional'noj srede (po materialam yuga Zapadnoj Sibiri). In *Tradicionnaya i duhovnaya material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poselenij v stranah Evropy, Azii i Ameriki*. Novosibirsk: Nauka, 1992. P. 213–217. (In Russ.).

Spisok naseleennykh mest Rossijskij imperii. Vol. 60: Tomskaya guberniya: spisok naseleennykh mest po svedeniyam 1859 goda. St. Petersburg, 1868. 148 p. (In Russ.).

Spisok naseleennykh mest Tomskoj gubernii na 1899 god. Tomsk: Tovarishchestvo "Pечатnya S. P. YAKovleva" (Gubernskaya tipografiya), 1899. 781 p. (In Russ.).

Spisok naseleennykh mest Sibirskogo kraja. Sibirskij Kraevoj Iсполnitel'nyj Komitet, Kraevoj finansovyj otdel. T. 2: Okrug Severo-Vostochnoj Sibiri. 1929. 952 p. (In Russ.).

Fursova E.F. Etnograficheskie grupy vostochnykh slavjan v Zapadnoj Sibiri: tipologiya, identichnost', mezhkul'turnye vzaimodejstviya. In *Etnokul'turnoe vzaimodejstvie v Evrazii*. Moscow: Nauka, 2006. Vol. 1. P. 427–441. (In Russ.).

Рублева А.А. <https://orcid.org/0000-0003-4967-6311>